

Игорь-Северянин

ПОЭЗЫ В ИНТЕРЬЕРЕ

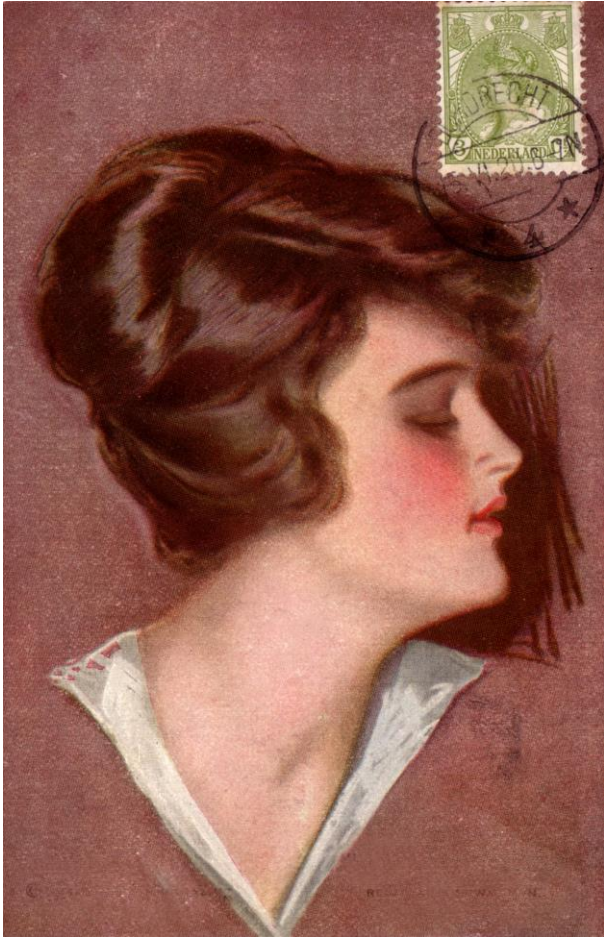
Narva 2006

2006. © Михаил Петров, составление, оформление.

АВТОПРЕДИСЛОВИЕ

Я — противник автопредисловий: моё дело — петь, дело критики и публики судить моё пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэзы, которые мною не уничтожены, т.е. *жизненны*. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся всё время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в своё время они меня *вполне* удовлетворяли, если я тогда же их не сжёг. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение «изыском сего дня» — неправильно: этим умерщвляется то, *сокровенное*, в чём зачастую нерв всей поэзы. Мёртворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, — допускаю, даже уродливо, — я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — моё

Игорь-Северянин.
1915. Тойла.

ЕЯ МОНОЛОГ

Не может быть! вы лжёте мне мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда, в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

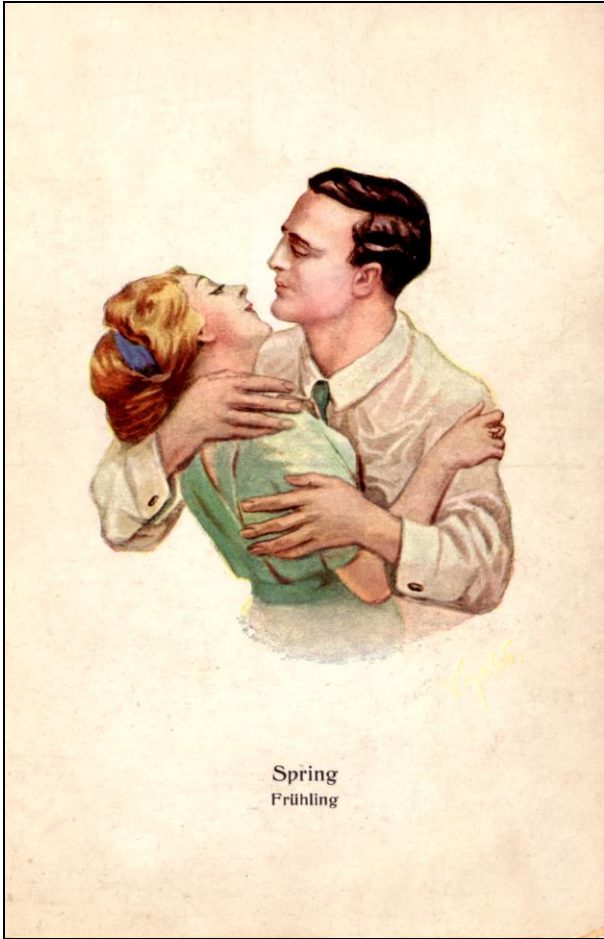
Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт — из перлов бурные костры,
И фабрикант — дубравы для машины;

Безчувственные люди жгут сердца,
Забывшая для них про все на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе — символе безсилья...
Но письма сжечь, — где я тебе пою
Свою любовь! где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя — как вечной красоты!
Их сжечь нельзя — как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! вы лжете мне, мечты!

1909. Июнь. Мыза «Ивановка».

Spring
Frühling

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день — и было скучно,
Как все, что только не во сне.

1909.

ХАБАНЕРА II

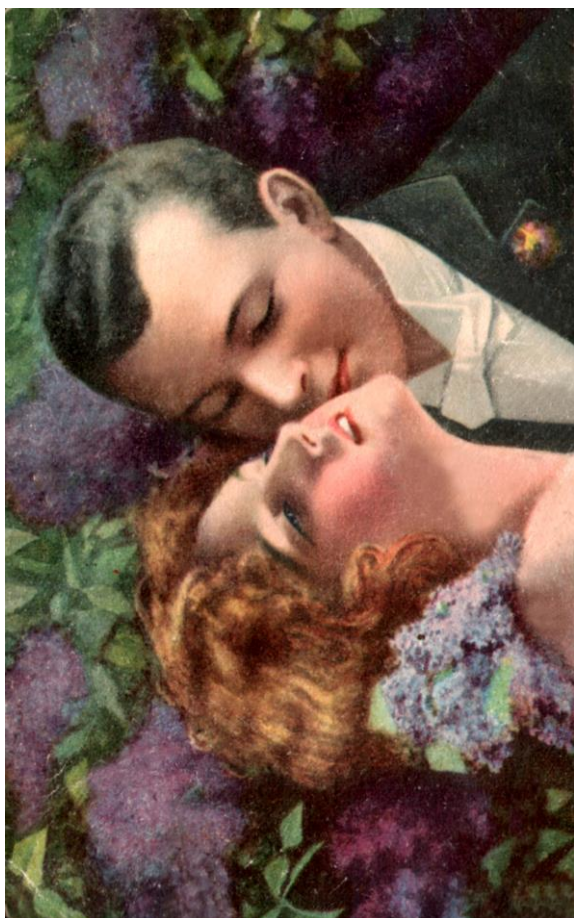
Синьоре За.

Вонзите штопор в упругость пробки, —
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки...

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям — пойдя, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли, —
И будет счастье в удобном смысле!..

1909.

РОНДО

— Бери меня, — сказала, побледнев —
И отвечая страстно на лобзанье...
Ея слова — грядущих зол посев —
Ужальте мне мое воспоминанье!
Я обхватил трепещущую грудь;
Как срезанный цветок, ея головка
Склоняется в истоме... «Смелой будь,
Хотел сказать, но было так неловко...
— Возьми меня, — шепнула, побледнев,
Страдальчески глаза мои проверив;
Но дальше — ни мазков, ни нот, ни перьев!..
То вся — любовь, то вся — кипучий гнев!..
— Бери меня! — стонала побледнев.

Мыза «Ивановка». 1909.

Yours for ever!

«ВИКТОРИЯ РЕГИЯ»

Наша встреча — Виктория Регия:
Редко редко в цвету...
До и после нея жизнь - элегия
И надежда в мечту

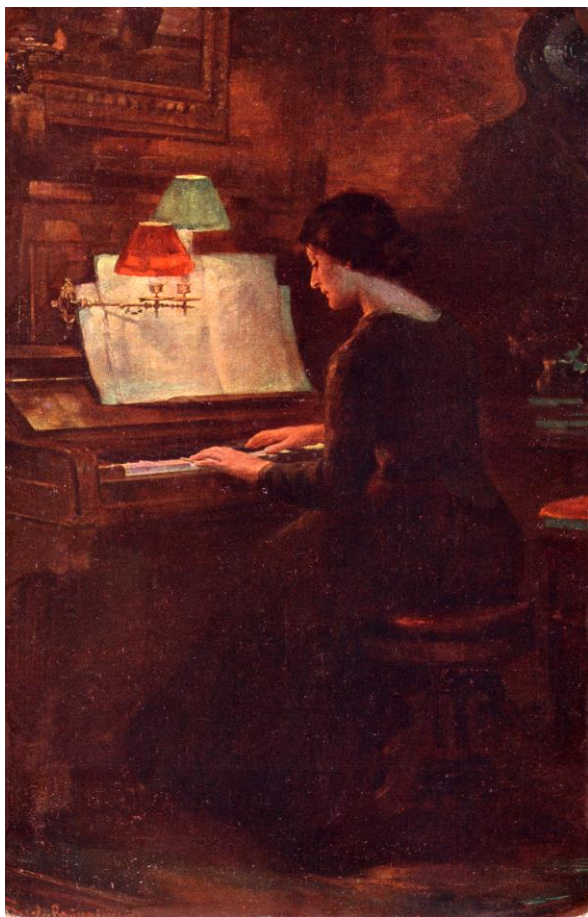
Ты придешь, — изнываю от неги я,
Трепещу на лету.
Наша встреча — Виктория Регия:
Редко, редко в цвету!..

1909.

Она была сначала этуаль,
Но инженер увёз её из Вены.
Он разменял на бриллианты сталь,
А не хватило — перерезал вены.
У ней о нём остался... вежеталь!
Но и того изгнал флакон Вервэны...

1910, январь, СПб.

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Поэма-миньонет.

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая, Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

1910. Февраль.

КОРОЛЕВОЧКЕ

Белорозовая и каштановая,
Ты прости мне, унылая девочка:
Изменяю тебе и обманываю,
А давно ли ещё — королевочка?!,

Тихо всхлипывают внешнее-грёзовые
Липы, ландыши, вишни и яблони...
О, каштановая! белорозовая!
Всё расслаблено!.. всё ограблено.

1910, октябрь, СПб.

РУССКАЯ

Кружевет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.

Бриллиантится весёлая роса;
Что за воздух! что за свет! что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,

Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «ха-ха-ха!»

Ах, люблю бесцельно утром покричать
Ах, люблю в березах девку повстречать,

Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ея предутреннюю тень,

Пробудить ея не выспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесён,

Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

1910. Февраль.

ЗИЗИ

Постигнуть сердцем все возможно
Непостижимое уму...

К.Фофанов.

Бесшумно шло моторное ландо
По «островам» к зеленому «пуанту»,
И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, томил колени франту...

Хрустит от шин заносчиво шоссе,
И воздух полн весеннего удушья.
В ея душе — осколки строф Мюссэ,
А на лице обидное бездушие.

Зизи, Зизи! Тебе себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, может быть, цела души скрижаль,
И лилия не может быть кокоткой?

Останови мотор! сними манто
И шелк белья, бесчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя из ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! — такая нагота
Великолепней всех великолепий!

1910, февраль.

АМАЗОНКА

Я встретил у парка вчера амазонку
Под звуки бравурной раздольной мазурки.
— Как кукольны формы у синей фигурки! —
Нагляв восторгом, сказал я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрела,
Слегка улыбнулась, раздетая взором,
Хлыстом помахала лукавым узором,
Мне в сердце вонзила дремучия стрелы...

А рыжая лошадь под ней гарцовала,
Упрямо топталась на месте кобыла
И, право не знаю, — казалось ли, было, —
В угоду хозяйке, меня баловала.

1910. Февраль.

ГУРМАНКА

Ты ласточек рисуешь на меню,
Взбивая сливки к тертому каштану.
За это я тебе не изменю
И никогда любить не перестану.

Все жирное, что угрожает стану,
В загоне у тебя. Я не виню,
Что петуха ты знаешь по Ростану
И вовсе ты не знаешь про свинью.

Зато, когда твой фаворит - арабчик,
Подаст с икрою паюсной рябчик,
Кувшин Шабли и стерлядь из Шексны,

Пикантно сжав утонченные ноздри,
Ты вздрогнешь так, что улыбнутся сёстры,
Приняв ту дрожь за веянье весны...,

1910.

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ

Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая как лунет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатая ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер,
И сравнит... но это так интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутанга,
О циничном африканском танце,
И о вечном летуне — «Голландце».
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево свой веер,
В к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его ещё дороже...

1911, февраль.

ЦВЕТОК БУКЕТА ДАМ

В букете дам Амьенского бомонда
Звучнее всех рифмует с резедой
Bronze-oxidé блондинка Эсклармонда,
Цветя Бальзаколетнею звездой.

Она остра, как квинт-эссенца специй,
Ея бравадам нужен резонанс;
В любовники берёт *господ с трапеций*
И, так сказать, смакует мезальянс.

Условностям всегда бросает: «Shoking!»
Экстравагантно выпускает лиф,
Лорнирует базарно каждый смокинг,
Но не во всяком смокинге *калиф*...

Как устрицу, глотает с аппетитом
Дежурного огейзерную дань...
При этом всё — со вкусом носит титул,
Иной щеке даря свою ладонь!

1911, февраль.

ПОЭЗА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Князь взял тебя из дворницкой. В шелка
Одел дитя, для удобное «жмурок»...
Он для тебя не вышел из полка,
А поиграл и бросил как окурок.

Он роскошью тебя очаровал
И отуманил слабый ум ликером.
И возвратилась ты в родной подвал,
Не осудив любовника укором.

Пришел поэт. Он стал тебе внимать
И взял к себе в убогую мансарду.
Но у него была старуха-мать,
Язвившая за прежнюю кокраду.

И ты ушла вторично в свой вертеп,
А нищий скальд «сошел, в тоске, в могилу».
Ты не могла трудом добыть свой хлеб,
Но жить в подвале стало не под силу.

И ты пошла на улицу, склоняясь
Пред «роком злым», с раскрытым прейс-курантом.
И у тебя в мечте остался — князь
С душой того, кто грел тебя талантом.

1911

ПОВСЕМЕСТНАЯ

Ея глаза, глаза газели,
Синеют в усиках ресниц.
Она опустит очи ниц,
И щеки вдруг зарозовели

В устах змеящийся укус
Лицо меняет безпрестанно.
И волосы, длиннее стана,
Немного приторны на вкус.

Безкрылой похоти раба,
Она принижено кичлива
Эскиз готов. Пошлоречива
Моей натурщицы судьба.

1911, июнь, Елизаветино.

От тоски научилась курить
(Если-б отклик больному вопросу!)
Говорить? Не хочу говорить!
Папиросу! ещё папиросу!

— Что-ж, курите, мой друг, — не беда:
Если в жизни печальной и брачной
Нет забвенья, тогда, о тогда,
Смело верьте в наркоз из табачной!

1911, сентябрь, СПб.

В ОЧАРОВАНЬИ

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда смеяь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты — вся нега, — вся гроза,
Вся - молодость, вся — страсть; и
 чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя — боязнь моя безмерна...
И ты, меня поняв, в тревоге головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно, —
И вот другая ты: вся — осень, вся покой...

1912, июнь, Дылицы.

ХАБАНЕРА III

От грез Кларета — в глазах рубины,
Рубины страсти, фиалки нег.
В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый, и сладкий снег.

Струятся взоры... Лукавят серьги...
Кострят экстазы... Струнят глаза...
— Как он возможен, миражный берег...
В бокал шепнула синьора Za.

О, бездна тайны! О, тайна бездны!
Забвенья глуби... Гамак волны...
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар Малаги
Головки женщин и кризантэм...

1911.

ЭКСЦЕССЕРКА

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: «а если?..»
И лицо окунула в букет.

У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули,— их вздох виттьеват...
Я не видел кузины в кузине
И едва ли я в том виноват...

Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком...
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком...

И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль,—
Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокося твой спелый июль...

1912, январь.

Ф. Андреотти. „Розы“.

F. Andreotti. Rosen

КОКЕТТА

В черной фэтерке с чайной розою
Ты вальсируешь перед зеркалом
Бирюзовою грациозою
И обласканной резервэркою...

Не хочу считать лет по метрике,
А на вид тебе — лишь четырнадцать...
С чайной розою в черной фетэрке
Ты — бессмертница! Ты — всемирница!

И тираду я обличайную
Дам завистливых — пусть их сердятся! —
Игнорирую. С розой чайною
В черной фетэрке — ты бессмертница!

1912. Веймарн.

РОНДО

Твои духи, как нимфа, ядовиты
И дерзновенны, как мои стихи.
Роса восторг вкусившей Афродиты —
Твои духи!

Они томят, как плотские грехи,
На лацкан сюртука тобой пролиты,
Воспламеняя чувственные мхи...

Мои глаза — они аэролиты! —
Низвергнуты в любовные мехи,
Где сладострастят жала, как термиты,
Твои духи!

1912. Веймарн.

ПОКА ПРОХОДИТ ПОЕЗД

Я в поле. Вечер. Полотно.
Проходит поезд. Полный ход.
Чужая женщина в окно
Мне отдается и берет.

Ей, вероятно, двадцать три.
Зыбка в ее глазах фиоль.
В лучах оранжевой зари
Улыбку искривляет боль.

Я женщину крещу. Рукой
Она дарит мне поцелуй.
Проходит поезд. Сам не свой,
Навек теряя, я люблю.

1912. Май.
Варшавская железная дорога.

ЛЕСОФЕЯ

Она читает зимой Евангелъе,
Она мечтает о вешнем ангеле,
Душой поэта и аполлонца
Все ожидает литавров солнца!

Умом ребенок, душою женщина,
Всегда капризна, всегда изменчива,
Она тоскует о предвесеньи,
О незабудках, о росной сени...

И часто в ложе на пестрой опере,
Когда ей сердце мечты отропили,
Она кусает платок, бледнея, -
Демимонденка и лесофея!..

1912.

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНИЙ

Она идет тропинкой в гору.
Закатный отблеск по лицу
И по венчальному кольцу
Скользит оранжево. Бел ворот
Ея рубашечки сквозной.
Завороженная весной,
Она идет в лиловый домик,
Задумавшийся над рекой.
Ея душа теперь в истоме,
В ея лице теперь покой.
Озябший чай и булки с маслом.
Её встречают на столе.
И на лице ея угаслом
К опрозаиченной земле
Читаю нежное презренье,
Слегка лукавую печаль.
Она откидывает шаль
И обдает меня сиренью.

1912, июнь, Веймарн.

Which first

В БЛЕСТКОЙ ТЬМЕ

В смокингах, в шик опроборенные,
великосветские олухи
В княжѣй гостиной наструнились,
лица свои оглупив;
Я улыбнулся натянуто,
вспомнил сарказмно о порохе:
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка - пощечина.
Голос мой - сплошь издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши.
Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно,
тусклыми Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!
Тусклыми Ваши Сиятельства!
Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным
были и Блок и Бальмонт!

1913.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Была у Игоря-Северянина поклонница Анна Воробьева. В октябре 1909 года для неё была написана *снеговая поэма* «Полярные пылы»: северный пейзаж, лоси на фоне полярного сияния и Северянка, которой никогда не быть любовницей Севера. Для неё же он написал поэму-миньонет «Это было у моря», про королеву, которая отдавалась грозиво.

Дама эта была довольно унылого вида, с тяжелой *бульдोजьей* челюстью, однако возомнила себя и Королевой и Северянкой. Она сочиняла стихи и посылала их своему кумиру. Я держал в руках эти почтовые карточки *со значением* — искусство совершенно утраченное ныне! Вот одинокий подсолнух — «в моей душе — осенняя эмаль». Вот дама в романтическом белом платье — «её зовут печальной царевной». А вот лось и лосиха на фоне северного пейзажа — «Забыли ль Вы меня? — Едва ли!»

Всё это навело меня на мысль о том, что некоторые ранние стихи Игоря-Северянина могут быть органично соединены с художественными почтовыми карточками начала XX века. Этот сборник — первый подобный опыт, если не считать неудачную попытку иллюстрировать стихи неуклюжей журнальной рекламой. Хотя я располагаю довольно ограниченным набором карточек, тем не менее, есть просто стопроцентные попадания. Например, двое великосветских олухов с открытки «Which first», карточка, буквально прилепившаяся ко второй «Хабанере» или дама с открытки «Visiting», сросшаяся со стихотворением «Зизи».

Михаил Петров.